

Раздел 1. Уроки стабилизации и перспективы роста: экономическая политика России в 2016 г.¹

Мир находится в поиске новой парадигмы социально-экономического развития, которую иногда называют «новой реальностью». Опыт предшествующих структурных кризисов (1930-х и 1970-х годов) свидетельствует о том, что этот поиск занимает примерно десятилетие, которое характеризуется неустойчивостью экономической динамики, политическими кризисами и социальной нестабильностью. Разумеется, опыт прошлого не может прямолинейно транслироваться на будущее – подлинные сроки «турбулентного десятилетия» определяют только экономические историки будущего. Но уже сейчас вполне очевидно, что ключевым вопросом политической и интеллектуальной повестки является модель будущего экономического роста – его вероятные темпы и источники.

1.1. Дискуссия о перспективах экономического роста

Перспективы экономического роста формируют тот главный вызов, который будет предопределять развитие других важнейших структурных процессов XXI в.: динамики глобализации (или деглобализации), новой индустриализации (структурной модернизации), развития человеческого капитала.

С начала глобального кризиса, т.е. примерно с 2008 г., наблюдается замедление темпов экономического роста, и если поначалу это замедление представлялось временным, которое будет преодолено в обозримом будущем, то спустя почти десять лет стало ясно, что ситуация гораздо сложнее. Экономисты заговорили о грядущей длительной стагнации (*secular stagnation*), политики начали адаптироваться к новым реалиям, что привело к резкому и бурному росту популистских настроений. Собственно, таковы две важнейшие характеристики 2016 г.: *низкие (и замедляющиеся) темпы экономического роста и рост политического популизма*. Они очевидно взаимосвязаны: экономические тяготы всегда делают востребованными как минимум популистские лозунги, но нередко и популистские действия политиков.

У экономического торможения много причин. Их анализ уже находится в центре внимания экономистов. И, несомненно, современный рост станет одной из основных тем будущих экономических, политологических и политэкономических дискуссий.

---

¹ Автор раздела: В. Мау – РАНХиГС при Президенте РФ. Автор выражает признательность С. Дробышевскому, Г. Идрисову, М. Хромову за помощь в работе над настоящим разделом.

Одна из причин замедления глобального роста – снижение темпов роста в Китае и Индии, естественное по мере достижения ими определенного уровня экономической зрелости и приближения к более стабильному состоянию развитых стран. Это торможение могло бы быть компенсировано появлением новых возможностей для ускоренного трансфера технологий в другие страны и регионы мира (например, в Африку), однако этот вопрос имеет пока более политический и институциональный, чем экономический, характер.

Торможение отчасти может объясняться циклическими факторами, например, низкой инвестиционной активностью, что выражается в характерном для большинства развитых стран превышении сбережений над накоплениями. По-видимому, это связано с высоким уровнем неопределенности, естественным в период технологического обновления и ожидаемых структурных реформ¹.

Однако проблема экономического роста не сводится к замедлению глобальной динамики или к особенностям современного делового цикла. В традиционной модели экономического развития со спадами и подъемами основной вопрос после кризиса связан с тем, на каком уровне остановится спад, после чего должен начаться экономический рост. Ход событий после 2008 г. отчетливо демонстрирует: за остановкой спада могут следовать стагнация или низкие темпы роста, т.е. его восстановление не происходит автоматически. Тем самым меняется суть антикризисной политики: она больше не может ограничиваться противодействием спаду, а должна предлагать меры по обеспечению приемлемых темпов роста (или по повышению потенциального роста). В этом и состоят главный вызов нынешнего глобального кризиса и суть того, что в последние годы принято называть «новой экономической нормальностью».

Проблема долгосрочной стагнации развитой страны не является принципиально новой. Именно это происходит в Японии на протяжении вот уже четверти века. Выяснилось, что экономика развитой страны может на протяжении длительного времени не расти, поддерживая при этом высокий уровень благосостояния и избегая острых социальных проблем. Казалось, что это специфически японское явление, однако сейчас очевидно, что мы столкнулись с новым феноменом, который требует изучения и выработки адекватной политики. В аналогичной ситуации уже на протяжении пяти лет находится Евросоюз. С рисками долгосрочной стагнации сталкивается и современная Россия, для которой «достижение дна» (что активно обсуждалось на протяжении 2015–2016 гг.) не означает возврата к устойчивому росту. В какой-то мере можно говорить об интеллектуальном вызове, аналогичном кейнсианской революции, но если тогда речь шла о необходимости включения некоторых автоматических антикризисных регуляторов (для смягчения последствий кризисов), то теперь встает вопрос о необходимости формирования специальной политики обеспечения роста.

Для объяснения этого феномена появилось несколько гипотез *циклического, технологического, политического и статистического* характера. Фактически можно говорить о четырех вариантах объяснения ситуации, связанной с ростом. При всем их различии они не абсолютные альтернативы, и реальная ситуация – результат их некоторой комбинации.

---

¹ Лауреат Нобелевской премии в области экономических наук за 2013 г. Р. Шиллер связывает торможение с «потерей экономической уверенности» (ожидания деловой активности фирм, а также доходов и занятости граждан) и «неопределенностью в сфере экономической политики» (регулирование, налоги и т.п.). (Shiller R.J. Блужд сомнения мировой экономики // Project Syndicate. July 21, 2016).

Циклические факторы. Здесь торможение объясняется недостаточностью совокупного спроса, что проявляется в отрицательном разрыве между инвестициями и сбережениями. Хронически недостаточный спрос будет сдерживать рост ВВП и производительности, и даже близкие к нулю процентные ставки не будут стимулировать экономический рост¹. В этом же направлении воздействует, по-видимому, и фактор неравенства, поскольку отсутствие роста доходов у большинства населения и их избыточная концентрация у меньшинства ведут к наращиванию сбережений в ущерб спросу, что создает дополнительные стимулы к торможению.

Технологические особенности. Другой подход объясняет торможение ограничениями со стороны предложения, прежде всего предложения инноваций². Речь здесь идет о возможном замедлении технологического прогресса, о меньшем влиянии технологических инноваций на производительность, особенно по сравнению с технологической революцией рубежа XIX–XX вв. Фактически такой подход подразумевает исчерпание современного экономического роста, каким мы его знаем с середины XVIII в., что становится одной из ключевых загадок современной экономической науки (и экономической истории особенно).

Впрочем, некоторые сторонники объяснения торможения технологическими факторами придерживаются оптимистической интерпретации проблемы: технологическое торможение – временное явление, поскольку существуют временные лаги между внедрением новейших технологий и распространением их влияния на другие отрасли, а тем самым на рост ВВП и производительности³. Эта точка зрения имеет основания и в недавнем экономическом опыте. Так, в 1987 г. Р. Солоу заметил, что «эпоха компьютеров видна повсюду, кроме статистики производительности»⁴. Спустя примерно пятнадцать лет это влияние уже отражалось в статистике и не требовало особых доказательств. Однако прежде было необходимо серьезно трансформировать бизнес-модели, что не сводилось к широкому внедрению компьютеров в производственные процессы⁵. Можно предположить, что со временем влияние инноваций найдет отражение и в статистике экономического роста, тем более что в наше время возникают принципиально новые модели управления и формы бизнеса⁶.

¹ Summers L. Reflections on the 'New Secular Stagnation Hypothesis' // Teulings C., Baldwin R. (eds). *Secular Stagnation: Facts, Causes and Cures*. A VoxEU.org eBook. London: CEPR Press, 2014; «Глобальный избыток сбережений на фоне низкой инфляции определяет слабый агрегированный спрос в регионах с высокими доходами. Этот синдром согласуется с нулевыми или отрицательными процентными ставками в Европе и Японии». Nordhaus W.D. *Why Growth Will Fall* // The New York Review of Books. August 18, 2016.

² Cowen T. *The Great Stagnation: How America Ate All the Low-Hanging Fruit of Modern History, Got Sick, and Will (Eventually) Feel Better*. New York: Dutton, 2011; Gordon R.J. *The Rise and Fall of American Growth. The US Standard of Living Since the Civil War*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2016.

³ Mokyr J. *Secular Stagnation? Not in Your Life*, in Coen Teulings and Richard Baldwin (eds). *Secular Stagnation: Facts, Causes, and Cures*. A VoxEU.org eBook. London: CEPR Press, 2014.

⁴ Solow R. *We'd Better Watch Out* // New York Times Book Review. July 12, 1987.

⁵ Brynjolfsson E., Hitt L.M. *Beyond Computation: Information Technology, Organizational Transformation and Business Performance* // Journal of Economic Perspectives. 2000. Vol. 14. No 4. P. 23–48.

⁶ Ц. Куреши назвал сторонников этих подходов к оценке влияния инноваций на рост соответственно «технопессимистами» и «технооптимистами»: «В споре между «пессимистами» и «оптимистами» о будущем производительности важно, скорее, не то, кто из них прав, а то, как отреагировать на будущие вызовы, на которые указывают «пессимисты», чтобы воспользоваться возможностями, которые предвидят «оптимисты». Будущее вполне может быть оптимистическим, если реализация технологических возможностей будет поддержана соответствующей политикой и институциональными изменениями» (Qureshi Z. *The Productivity Outlook: Pessimists versus Optimists*. Washington D.C.: Brookings Institution, 2016).

Политические факторы. Третий вариант объяснения торможения связан со спецификой политических процессов (и их влиянием на экономику). Речь идет о фактическом приоритете краткосрочных политических задач перед долгосрочными структурными. Для предотвращения острых социально-политических последствий кризиса (и с учетом непростого опыта Великой депрессии 1930-х годов) правительства развитых стран пошли на беспрецедентные меры по спасению существующих предприятий и банков, закрыв тем самым возможность «созидательного разрушения», по Й. Шумпетеру. (Аналогично действовало и японское правительство в 1990-е годы, создав проблему зомби-банков и предприятий.) Мягкая денежная политика (сверхнизкие или отрицательные процентные ставки) не столько стимулирует экономическую активность, сколько облегчает долговое бремя государства и корпораций, поскольку благоприятна для должников за счет интересов кредиторов^{1, 2}. Соответственно, эта политика предотвращает возможную волну банкротств.

В более жесткой интерпретации центральные банки взяли на себя функции, схожие с центральными плановыми органами советского типа, в задачи которых входит недопущение кризисов и банкротств. Принятые ими меры «остановили падение цен на активы и тем самым спасли огромные состояния. Но это также помешало достаточному количеству молодых предпринимателей и инвесторов пойти на риск открытия новых предприятий»³. Все это тормозит выход из кризиса на годы, если не на десятилетия. Без созидательного разрушения – со всеми связанными с ним проблемами политического и социального характера – нельзя выйти из стагнационной ловушки.

Фактически здесь политические интересы начинают доминировать над экономическими, т.е. обеспечение текущей социально-политической стабильности и результаты ближайших выборов оказываются более важными, чем повышение эффективности и производительности. Ориентация на узко понятые политические цели и групповые интересы ведет к торможению институциональной и структурной модернизации, а тем самым к торможению роста. Политически понятное стремление не допустить рост безработицы может обусловить потери в эффективности и конкурентоспособности. Все это тождественно преобладанию краткосрочных интересов над долгосрочными, что типично для многих развитых и развивающихся стран в последние десятилетия⁴. Более того, нередко политика, быстро приводящая к позитивным сдвигам в экономической динамике, оказывается неэффективной и даже вредной в среднесрочной перспективе.

---

¹ *Wolf M.* Negative rates are not the fault of central banks. // The Financial Times. April 12, 2016.

² По словам К. Рейнхарта, эта политика фактически означает налогообложение кредиторов. «Как и в прошлом, во время и после финансовых кризисов и войн центральные банки все больше придерживаются формы «налогообложения», которая помогает ликвидировать огромный государственный и частный долговой навес и смягчает бремя обслуживания долга... В настоящее время это означает поддержание отрицательных реальных процентных ставок — эквивалента непрозрачного налога на держателей облигаций и в более широком смысле на всех, кто сберегает». *Reinhart C.* What's New About Today's Low Interest Rates? Project Syndicate. July 28. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/explaining-persistent-low-interest-rates-by-carmen-reinhart-2016-07>.

³ *Sinn H.-W.* Secular Stagnation or Self-Inflicted Malaise? // Project Syndicate. September 27, 2016.

⁴ Примеры доминирования краткосрочных интересов над долгосрочными можно найти в практике многих развитых и развивающихся стран. Это и СССР 1986–1990 гг., руководство которого предпочло курс на повышение темпов роста (ускорение), за что пришлось расплачиваться десятилетним спадом. Это и политика Китая последнего времени, который поддерживает темпы роста за счет вливания бюджетных ресурсов в экономику. По нашему мнению, доминирование краткосрочных интересов бизнеса (текущая капита-

Из сказанного следует, что меры денежно-кредитной политики могут купировать кризис, не допустить его развертывания, но сами по себе не ведут к устойчивому росту. Как известно, он требует структурных и институциональных реформ, особенно в условиях качественного обновления технологической базы национальной экономики.

Особенности статистических измерений. При обсуждении экономического роста особое место занимает проблема его адекватной оценки. Ряд исследователей обращают внимание на то, что статистика ВВП занижает реальный уровень производства и благосостояния. Показатель ВВП впервые был предложен в 1930–1940-е годы и впоследствии был назван одним из величайших изобретений XX в.»¹. Однако фундаментальные технологические сдвиги последнего времени, появление новых управленческих моделей, отражающих изменившиеся технологические реалии, создают качественно новую ситуацию в экономике, которую традиционная статистика плохо улавливает. Измерение реального ВВП, который должен охватывать все произведенные (реализованные) товары и услуги, не учитывает значительную часть стоимости (продукта, необязательно материального), которая произведена, но не может быть оценена существующими методами. Ключевую роль в этом играет проникновение информационно-коммуникационных технологий во все сферы общественной жизни, что трансформирует само понятие благосостояния и, соответственно, возможности его измерения. Радикальный рост эффективности бизнеса и персонала позволяет удовлетворять потребности и обеспечивать рост благосостояния, используя гораздо меньше трудовых и материальных ресурсов.

Поясним сказанное на ряде примеров. Во-первых, беспрецедентно растет количество бесплатных благ и услуг, связанных с IT-технологиями, не говоря уже о быстром удешевлении (темпами, опережающими инфляцию) вновь выводимых на рынок продуктов. К ним относятся и очевидные выгоды, которые получают экономика и потребитель от социальных сетей. На общение с IT-системами люди расходуют много времени, причем это способствует росту их благосостояния (в том числе развитию бизнеса), однако в статистику роста это попадает в лучшем случае как доход от рекламы. Во-вторых, некоторые новейшие технологии (например, 3D-печать) способны существенно удешевлять выпускаемую продукцию. В-третьих, появляются новые продукты (товары), объединяющие различные функции и значительно более дешевые, чем совокупность разных устройств, выполняющих те же функции (iPhone как наиболее яркий пример). В-четвертых, ряд товаров и услуг переводятся в цифровую форму, например электронные книги, которые, будучи в разы дешевле, предоставляют фактически ту же услугу, что и традиционные книги. В-пятых, появляются принципиально новые бизнес-модели на основе IT, символом (и примером) чего стал Uber². Uber снижает спрос на автомобили, значительно повышая степень их эксплуатации по сравнению с такси, не говоря уже о личных автомобилях, результатом становится снижение спроса на производство со-

---

лизация) над долгосрочными (повышение производительности) стало одной из основных причин нынешнего глобального кризиса. *May B.A.* Кризисы и уроки. Экономика России в эпоху турбулентности. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. С. 174.

¹ BEA. GDP: One of the great innovations of the 20th century. Survey of Current Business, Bureau of Economic Analysis. 2000. January. P. 6–9; *Masood E.* The great invention. The story of GDP and the making and unmaking of the modern World. New York: Pegasus Books, 2016.

² The Economist. Uber: From zero to seventy (billion) // The Economist. 2016. September 3.

путствующих товаров и услуг. Тем самым, обеспечивая рост благосостояния (и потребления), все перечисленные технологические, производственные и управленческие инновации могут негативно сказаться на традиционных показателях ВВП.

Обсуждение проблем экономической динамики далеко от своего завершения. Эти сюжеты в обозримом будущем останутся в числе основных тем экономической дискуссии и политической борьбы, привлекая внимание как теоретиков экономической науки, так и практиков экономической политики.

Практические же рекомендации минувшего года явно склонялись к необходимости пересмотра соотношения между денежным и бюджетным стимулированием. В 2016 г. все большую популярность стал приобретать тезис о необходимости свертывания денежного и усиления роли фискального стимулирования¹. У этих рекомендаций было несколько причин:

- во-первых, политика сверхнизких или отрицательных процентных ставок хотя и поставила преграды на пути кризиса, но так и не смогла обеспечить восстановления нормального роста;
- во-вторых, все шире стало распространяться понимание, что восстановление роста требует не макроэкономического манипулирования, а структурных реформ, для которых нужны прежде всего специальные меры бюджетной политики;
- в-третьих, несколько уменьшилась долговая нагрузка на бюджеты, и у ряда развитых стран появилось больше возможностей заимствовать финансовые ресурсы для реализации крупных проектов, тем самым используя государственный спрос для поддержания роста как в частном, так и в общественном секторе;
- в-четвертых, представители новой администрации США явно обозначили приоритет фискального стимулирования, что может восприниматься как попытка повторить успех Р. Рейгана, сочетавшего его с жесткой денежной политикой П. Волкера.

Шагом на пути к преимущественно фискальному стимулированию можно рассматривать повышение процентных ставок ФРС в декабре 2016 г. Следующий шаг должна сделать новая администрация президента Д. Трампа.

В 2016 г. экономисты почти единодушно формулировали структурные приоритеты развитых стран. В первую очередь к ним относили развитие инфраструктуры (особенно в США) и образование (особенно в Европе). В числе других приоритетов называют развитие «зеленой» энергетики, здравоохранения и всего, что относится к человеческому капиталу в широком смысле. К приоритетным структурным мерам относят также снижение налогов (фискальная мера) и дерегулирование².

---

¹ Перенос центра тяжести в сторону фискальной политики разделялся, разумеется, не всеми. Многие экономисты решительно выступили против сворачивания денежного стимулирования, особенно в еврозоне. М. Wolf рекомендовал активно сочетать различные источники роста, не противопоставляя денежное стимулирование фискальному. «Лучшей политикой будет комбинация мер, направленных на повышение потенциального роста и поддержание агрегированного спроса. Здесь важны структурные реформы и агрессивная денежная и фискальная экспансия. В этом плане США проводили более сбалансированную политику, чем страны еврозоны» (*Wolf M. Negative rates are not the fault of central banks // The Financial Times. 2016. April 12*).

² «Центральными компонентами своей стратегии увеличения темпов реального и потенциального роста экономики США Трамп сделал инфраструктурные инвестиции, налоговую реформу и дерегулирование. В результате ситуация на рынках не вызывает сомнений в уверенности, что США будут теперь постепенно выходить из затянувшегося периода избыточной зависимости от нетрадиционной монетарной политики,

Вместе с тем приоритеты структурных и институциональных реформ существенно различаются по странам, особенно если сравнивать развитые и ведущие развивающиеся страны. Если в большинстве первых речь идет о развитии человеческого капитала, включая облегчение доступа на рынок труда широких социальных групп, то Китай прежде всего будет создавать физическую инфраструктуру как для роста спроса внутри страны (с учетом огромных масштабов внутреннего рынка), так и для наращивания технологического экспорта в развивающиеся страны. Именно на решение подобных задач ориентируется китайская политика построения «Шелкового пути», целью которой является развитие рынков для китайских товаров. В этом важнейшее отличие структурных приоритетов развитых стран, с одной стороны, и Китая – с другой стороны.

Китай в настоящее время (и в обозримом будущем) является производителем главным образом товаров, став фактически «мастерской мира» XXI в. Напротив, развитые страны, даже при новейшей тенденции реиндустриализации, являются прежде всего производителями и потребителями высокотехнологичных идей и соответствующих услуг, и качество человеческого капитала критически важно для сохранения лидерства в производстве и в использовании высоких технологий.

Речь идет прежде всего о стимулировании спроса, т.е. о возвращении отчасти к кейнсианской модели, требующей, впрочем, серьезного переосмысления с учетом реалий XXI в. Применительно к большинству развитых стран в настоящее время нельзя будет сделать однозначный вывод в пользу «экономики спроса» или «экономики предложения». Факторы спроса должны быть адекватны создаваемому технологиями предложению, которое, в свою очередь, должно поддерживаться адекватными институциональными мерами (включая дерегулирование или снижение налогов). Только при таком балансе интересов на стороне спроса и предложения можно будет преодолеть углубляющуюся поляризацию между бенефициарами глобализации и ее жертвами (при всей условности этих терминов)¹.

С точки зрения глобальных процессов многое будет зависеть от того, удастся ли ведущим странам (США, Китаю, Германии, Великобритании, Японии, ЕС) скоординировать свою экономическую политику, прежде всего с учетом специфики их структурных реформ. Неспособность обеспечить эту координацию обернется ростом протекционизма и популизма, а как следствие, общим торможением при одновременном усилении неравномерности развития отдельных стран.

на смену которой придут структурные реформы, стимулирующие экономику, и смягчение бюджетной политики. Этот подход во многом похож на то, что делал бывший президент США Рональд Рейган. ... У Германии, Китая и Японии есть веские причины согласиться с таким подходом: в настоящий момент они не получают достаточных результатов от политики монетарного расширения; риски побочного ущерба и непредвиденных последствий только растут; а структурные реформы, стимулирующие рост экономики, уже давно запаздывают», – писал М. El-Erian (*El-Erian M. The International Barriers to Trump's Economic Plan. (Международные барьеры на пути экономического плана Трампа) // Project Syndicate. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/international-cooperation-for-trumps-economic-plan-by-mohamed-a-el-erian-2016-12/russian>*).

¹ «Макроэкономическое управление должно обеспечить соответствие роста спроса потенциалу предложения, создаваемого новыми технологиями и глобализацией. Это фундаментальное кейнсианское положение, которое временно отбросили в период расцвета монетаризма в начале 1980-х годов, стали успешно применять в 1990-е годы (по крайней мере, в США и Великобритании), но вновь забыли из-за паники, вызванной растущими бюджетными дефицитами после кризиса 2009 г.». *Kaletsky A. The Crisis of Market Fundamentalism. Project Syndicate. December 23. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/populist-revolt-crisis-of-capitalism-by-anatole-kaletsky-2016-12>*

Из сказанного непосредственно вытекает вторая особенность минувшего года и, по-видимому, обозримой перспективы – популизм¹. Под этим термином принято понимать политическую деятельность, лозунги которой популярны в широких народных массах, но, как правило, не имеют реальных (материальных, экономических) оснований для практической реализации². Реальные цели политиков-популистов (прежде всего борьба за власть) прикрываются социально привлекательными идеями.

Популизм непосредственно связан с отмеченным выше конфликтом между кратко- и долгосрочными экономическими задачами. В лучшем случае популистские меры позволяют получить обещанные положительные сдвиги в течение короткого периода, за что приходится расплачиваться потерей долгосрочной стабильности, а затем платить высокую цену за ее восстановление. В политической сфере популизм нередко ведет к разрушению демократических институтов: популисты имеют возможность закрепиться у власти на волне краткосрочных достижений, но в дальнейшем, при ухудшении ситуации, отказываются от демократических процедур (непосредственно или путем манипуляций), обещая процветание после победы над внешними и внутренними врагами.

Популизм получил широкое распространение в XX в., на протяжении которого для многих стран он стал или источником деградации (Аргентина) или тормозом на пути экономического прогресса (ряд латиноамериканских стран)³. Уже тогда отчетливо обозначились две разновидности популизма – политический и экономический (бюджетный), причем первый может существовать и без второго, но второй всегда был непосредственно связан с первым. Политический популизм – это инструмент в борьбе за власть, однако его экономические последствия неоднозначны. Партия, пришедшая на волне популистских лозунгов и закрепившаяся у власти, может проводить любую экономическую политику – как популистскую, так и консервативную. В некоторых случаях в XX в. политический популизм сопровождается экономическим – проведением безответственной бюджетной и денежной политики, манипуляциями с собственностью и т.п. В результате возникает экономический кризис, выход из которого занимает, как правило, длительное время. Большинство популистских режимов в Латинской Америке сочетали экономический и политический популизм – от Хуана Перона середины XX в. до Уго Чавеса и Николаса Мадуро в Венесуэле в начале XXI в.⁴. В то же время известны и случаи при-

---

¹ В контексте данного раздела можно остановиться на таком политическом определении популизма: «Наличие того, что некоторые ученые называют харизматическим способом связи между избирателями и политиками, и демократического дискурса, основанного на идее воли народа и борьбы между «народом» и «элитой». *Hawkins K.* Populism in Venezuela: the Rise of Chavismo // *Third World Quarterly*. 2003. No. 24. P. 1137–1160.

² *Acemoglu D., Egorov G., Sonin K.* A political theory of populism // *Quarterly Journal of Economics*. 2013. Vol. 128. No. 2. P. 771–805.

³ *Mudde C., Kaltwasser C.R.* Voices of the peoples: Populism in Europe and Latin America compared // *Kellogg Institute Working Paper*. 2011. No. 378.

⁴ Классический анализ экономического популизма XX в. содержится в книге под редакцией Р. Дорнбуша и С. Эдвардса «Макроэкономика популизма в Латинской Америке». Здесь он определяется как «подход к экономике, который делает акцент на росте и распределении доходов и уделяет меньше внимания инфляционным рискам, бюджетному дефициту, внешним ограничениям и реакции экономических агентов на агрессивную нерыночную политику». *Dornbusch R., Edwards S.* (eds). *The Macroeconomics of Populism in Latin America*. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1991. P. 9, а также в книге: *Sachs J.D.* Social conflict and populist policies in Latin America. Working paper. No. 2897. March. Cambridge, MA: NBER, 1989.

хода к власти политиков с популистскими лозунгами и репутацией, но сумевших проводить ответственный и сбалансированный экономический курс (например, Лула да Силва в Бразилии). Сейчас речь идет преимущественно о политическом популизме, связанном с попытками отойти от того, что до недавнего времени относилось к сфере «политкорректности» или «принятым» в современном мире «правилам игры» (глобализация, политическое равенство и др.). Растет влияние популистских политиков в Европе и Америке, в ряде развивающихся стран.

По итогам 2016 г. можно наблюдать две особенности развития современного популизма. Во-первых, налицо рост как правого, так и левого популизма. Причем первый присущ прежде всего развитым странам Европы и Америки, тогда как левый наблюдается в более бедных странах (в том числе в европейских, включая Италию и Испанию). Впрочем, в некоторых пунктах экономической программы (в частности, относительно глобализации) позиции правого и левого популизма могут совпадать¹. Во-вторых, макроэкономический (бюджетный) популизм остается достаточно редким явлением, по сути, ограничиваясь пока только ситуацией в Венесуэле. И это очень важно для оценки перспектив макроэкономической устойчивости ведущих стран мира.

Популистская реакция в виде антиглобализма вполне может проявиться в разных странах уже в ближайшее время. Антиглобализм вообще является неотъемлемым элементом современного популизма. В частности, укрепление доллара, которое выглядит закономерным в 2017 г., может привести к усилению протекционистских мер в США с последующими ответными мерами в некоторых других странах. Разного рода режимы санкций также представляют собой форму популистской реакции на политические и даже в большей мере на экономические трудности. Примеры можно продолжить.

В основе развития популизма лежат, по-видимому, преимущественно экономические факторы. Торможение роста, длительная рецессия способны провоцировать популистский ответ на проблемы. (Хотя это не является жестким правилом, примером чему служит 25-летняя стагнация в Японии). Обеспечение устойчивого роста – естественное, хотя и не достаточное условие преодоления популизма. Однако отсутствие понятных перспектив роста создает в настоящее время для популизма благоприятные условия. Есть и меры социальной политики, которые могут снижать риски реализации популистских лозунгов: прежде всего это помощь в адаптации к новым условиям для тех, кто теряет от экономического прогресса, – главным образом путем поддержки образования и других социальных сфер, что бывает важнее прямой раздачи денег.

В представленной политической динамике все более отчетливо формируется новая политическая поляризация, приходящая на смену противостоянию правых и левых сил (иными словами, сторонников свободного рынка или социализма, либерализма или эта-

---

¹ С точки зрения соотношения правого и левого популизма в развитых странах интересны итоги референдума в Великобритании и предвыборной кампании 2016 г. в США. Левый критик истеблишмента Б. Сандерс проиграл праймериз Демократической партии, уступив представителю традиционных элит Х. Клинтон. Однако президентские выборы выиграл республиканец Д. Трамп, активно использовавший правые популистские лозунги, а в своей антиглобалистской повестке имевший немало общего с Б. Сандерсом. См.: *Di Tella R., Rotemberg J.J. Populism and the Return of the 'Paranoid Style': Some Evidence and a Simple Model of Demand for Incompetence as Insurance against Elite Betrayal. Working paper 17-056. Cambridge, Mass.: Harvard Business School, 2016. P. 10.* Аналогично в Великобритании правый популизм, ассоциирующийся с выходом из ЕС, уверенно доминирует над левым популизмом Джереми Корбина – нынешнего лидера Лейбористской партии.

тизма). В настоящее время гораздо более значимым становится противостояние популизма, с одной стороны, и традиционных моделей модернизации – с другой. Причем на обеих сторонах этого противостояния могут концентрироваться как правые, так и левые силы «традиционной ориентации». Пока нельзя сказать, является ли эта новая конфигурация устойчивой и долгосрочной, или же она носит временный характер и порождена специфическими обстоятельствами развития современного глобального кризиса.

1.2. Экономический кризис и адаптация к новым реалиям: итоги 2015–2016 гг.

С 2008 г. Россия вместе с другими развитыми и ведущими развивающимися странами проходит через структурный кризис, постепенно формирующий новые экономические, политические и социальные реалии. При наличии ряда общих характеристик, в России глобальный кризис имеет ряд важных экономических и политических особенностей, предполагающих проведение существенно отличной от других стран социально-экономической политики в условиях глобального кризиса.

С институциональной точки зрения структурный кризис в России был связан с двумя группами обстоятельств: с одной стороны, с логикой глобальных проблем, необходимостью формирования новой модели экономического роста взамен модели, сложившейся после кризиса 1970-х годов, а с другой – со специфическими институциональными проблемами России, в которой к концу 2010-х годов завершился восстановительный рост (экономика достигла уровня, на котором она была к моменту трансформационного спада рубежа 1980–1990 гг.). Тем самым были исчерпаны возможности экстенсивной модели роста, основанной на вовлечении в производство незадействованных мощностей и трудовых ресурсов, а также более быстрого роста доходов по сравнению с ростом ВВП и производительности. Это нашло отражение в снижении структурных темпов роста (*рис. 1*)¹. Иными словами, переход к новой модели роста диктовался не только глобальными обстоятельствами, но и особенностями институциональной динамики самой России.

С макроэкономической точки зрения Россия столкнулась с проблемами стагфляции, а не дефляции, т.е. должна обеспечивать восстановление роста при подавлении, а не при стимулировании инфляции. Соответственно весьма ограниченную роль здесь могут играть методы денежного и бюджетного стимулирования, несмотря на низкий государственный долг и накопленные резервы.

Свою роль играл и феномен сочетания кризисов (структурного, финансового, внешних шоков), которые требуют различных, нередко разнонаправленных, антикризисных мер – и стимулирующих (в ситуации структурного кризиса), и консолидирующих (при внешних шоках). Это изначально делало антикризисную политику очень сложной и внешне не всегда последовательной, а тем самым уязвимой для острой критики.

С политической точки зрения с 2014 г. Россия находится в противостоянии с рядом ведущих стран мира и, помимо поиска новой экономической модели (и «новой нормальности»), ведет активную работу по политическому перепозиционированию в глобальном пространстве. Финансовые и технологические санкции выступают дополнительным спе-

---

¹ Синельников-Мурылев С., Дробышевский С., Казакова М. Декомпозиция темпов роста ВВП России в 1999–2014 гг. // Экономическая политика. 2014. № 5. С. 7–37; Дробышевский С., Казакова М. Декомпозиция темпов роста ВВП в 2016–2019 гг. // Экономическое развитие России. 2016. № 6. С. 3–7.

цифическим фактором структурного кризиса. Падение цен на основные товары российского экспорта задало принципиально новые рамки решения назревших экономических проблем, что потребовало принятия жестких мер, нацеленных на адаптацию страны к новым реалиям. К началу 2017 г. в России практически остановлен экономический спад, а отрасли материального производства (промышленность и сельское хозяйство) и оптовая торговля вышли на положительную динамику уже в 2016 г. Тем самым завершён период антикризисной политики и на первый план выдвигаются задачи обеспечения экономического роста.

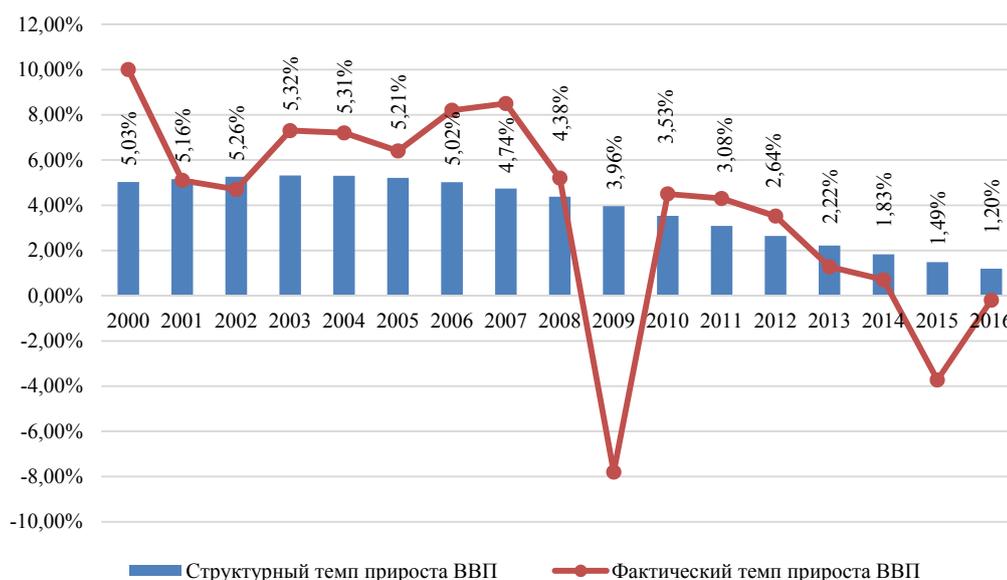

Рис. 1. Фактические и структурные темпы прироста ВВП России, %

Источники: Росстат; базовый сценарий прогноза МЭР по состоянию на 6 мая 2016 г.

Антикризисная политика 2015–2016 гг. заслуживает специального анализа. Ее меры и результаты формируют основы дальнейшего развития страны, новой модели экономического роста. Уроки минувшего периода полезны и с точки зрения возможности использования накопленного опыта в будущем, поскольку периодические кризисы являются естественным элементом рыночной экономики.

Изначально антикризисная программа правительства стала объектом острой критики со стороны представителей практически всех возможных направлений. Ее критиковали за жесткость денежной политики, нацеленной на решительное подавление инфляции. Ее критиковали за недостаточное использование опыта США и ЕС с их мерами мощного денежного и бюджетного стимулирования, за отсутствие мер поддержки различных отраслей или ее неэффективность. К этому добавлялась критика денежных властей за высокие процентные ставки, недостаточное кредитование экономики, жесткие меры по расчистке банковской системы. Вся эта критика имела определенные основания, поскольку любая экономическая политика в условиях экономического кризиса не может быть популярной (и не всегда последовательна).

Однако нельзя игнорировать по крайней мере две важные позитивные черты антикризисной политики 2014–2016 гг. Во-первых, правительство и Центральный банк смогли избежать популистских мер и не сделать стандартных макроэкономических и институциональных ошибок, которые, как правило, совершают власти в жестких экономических и политических условиях и к которым подталкивали многие влиятельные политические и экономические игроки. Популистские меры, обеспечивая краткосрочное смягчение ситуации, приводят к тяжелым долгосрочным потерям. Между тем именно конфликт между краткосрочными результатами (в виде экономического роста) и среднесрочными целями (повышение эффективности) оставался наиболее опасной ловушкой для российской политики. Фетишизация краткосрочных темпов роста могла привести к популистским мерам с тяжелыми социально-экономическими последствиями уже в недалеком будущем¹.

Во-вторых, надо признать, что реальная ситуация в последние два года оказалось гораздо лучше, чем ожидания конца 2014 г. Более того, несмотря на более длительную рецессию, по большинству экономических параметров она оказалась лучше, чем в 2008–2009 гг., хотя политические и внешнеэкономические обстоятельства были гораздо более жесткими (табл. 1).

Таблица 1

Основные экономические показатели Российской Федерации в 2007–2016 гг.

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Макропоказатели (темпы прироста, % к предыдущему году)										
ВВП	8,5	5,2	-7,8	4,5	4,3	3,5	1,3	0,7	-2,8	-0,2
Промышленность	6,8	0,6	-10,7	7,3	5,0	3,4	0,4	1,7	-0,8	1,3
Сельское хозяйство	3,3	10,8	1,4	-11,3	23,0	-4,8	5,8	3,5	2,6	4,8
Строительство	18,2	12,8	-13,2	5,0	5,1	2,5	0,1	-2,3	-4,8	-4,3
Оптовая торговля	9,5	5,4	2,0	3,0	4,4	3,6	0,7	-3,6	-10,0	1,3
Розничная торговля	16,1	13,7	-5,1	6,5	7,1	6,3	3,9	2,7	-10,0	-5,2
Конечное потребление домашних хозяйств	14,3	10,6	-5,1	5,5	6,8	7,4	4,4	2,0	-9,8	-5,0
Инвестиции в основной капитал	23,8	9,5	-13,5	6,3	10,8	6,8	0,8	-1,5	-10,1	-0,9
Доля оплаты труда в ВВП*, %	46,7	47,4	52,6	49,6	43,9	44,2	46,7	47,2	45,0	46,6
Доля прибыли и смешанных доходов в ВВП*, %	34,1	32,6	30,8	32,6	41,5	41,1	39,1	38,9	43,9	42,7
Показатели государственных финансов и международных резервов										
Профицит («+»)/дефицит («-») консолидированного бюджета, % ВВП*	6,0	4,9	-6,3	-3,4	1,4	0,4	-1,2	-1,1	-3,4	-3,7
Профицит («+»)/дефицит («-») федерального бюджета, % ВВП*	5,4	4,1	-6,0	-3,9	0,8	-0,1	-0,5	-0,4	-2,4	-3,4
Ненефтегазовый дефицит федерального бюджета, % ВВП*	-3,3	-6,5	-13,7	-12,2	-9,3	-10,5	-10,4	-10,1	-9,4	-9,1
Внутренний государственный долг РФ, на конец года, млрд руб.	1248,8	1499,8	2094,7	2940,4	4190,6	4977,9	5722,2	7241,2	7307,6	8003,0
Внешний государственный долг, млрд долл.	44,9	40,6	37,6	40,0	35,8	50,8	55,8	54,4	50,0	51,2
Совокупный федеральный госдолг, % ВВП*	–	6,5	8,3	9,0	9,0	9,7	10,6	13,0	13,2	12,9

¹ Реальным риском, как отмечено выше, было повторение политики «ускорения» 1986–1989 гг., когда повышение темпов роста было достигнуто путем макроэкономической дестабилизации (резкий рост государственного долга и бюджетного дефицита), следствием чего стали десятилетняя стагнация и затем еще десятилетие, ушедшее на возвращение экономики к докризисному уровню. См. подробнее: *May B.* В ожидании новой модели роста: социально-экономическое развитие России в 2013 г. // Вопросы экономики. 2014. № 2. С. 22–24.

Окончание таблицы 1

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Резервный фонд (2007 г. – Стабилизационный фонд), на конец года, млрд долл.	156,81	137,09	60,52	25,44	25,21	62,08	87,38	87,91	49,95	16,03
Фонд национального благосостояния, на конец года, млрд долл.		87,97	91,56	88,44	86,79	88,59	88,63	78,00	71,72	71,87
Международные резервы Банка России, на конец года, млрд долл.	478,8	427,1	439,0	479,4	498,6	537,6	509,6	385,5	368,4	377,7
Цены и процентные ставки										
Индекс потребительских цен, декабрь к декабрю	11,9	13,3	8,8	8,8	6,1	6,6	6,5	11,4	12,9	5,4
Индекс цен производителей, декабрь к декабрю	25,1	-7,0	13,9	16,7	12,0	5,1	3,7	5,9	10,7	7,4
Ключевая ставка Банка России (до 2013 г. – минимальная ставка по операциям РЕПО на 1 день), в среднем за год, % годовых	6,0	6,9	8,3	5,3	5,3	5,3	5,5	7,9	12,6	10,6
Средняя процентная ставка по кредитам предприятиям в рублях, в среднем за год, % годовых	10,0	12,2	15,3	10,8	8,5	9,1	9,5	11,1	15,7	12,6
Средняя процентная ставка по депозитам физических лиц (кроме депозитов до востребования)	7,2	7,6	10,4	6,8	5,4	6,5	6,5	6,7	9,7	7,3
Рынок труда										
Общий уровень безработицы (методология МОТ), в среднем за год, %	6,0	6,2	8,3	7,3	6,5	5,5	5,5	5,2	5,6	5,5
Средняя заработная плата, тыс. руб./месяц	13,6	17,3	18,6	21,0	23,4	26,6	29,8	32,5	34,0	36,7
Динамика зарплаты в реальном выражении, % к предыдущему году	17,2	11,5	-3,5	5,2	2,8	8,4	4,8	1,2	-9,0	0,6
Динамика реальных располагаемых доходов домашних хозяйств, к предыдущему году	12,1	2,4	3,0	5,9	0,5	4,6	4,0	-0,7	-3,2	-5,9
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, млн человек	18,8	19	18,4	17,7	17,9	15,4	15,5	16,1	19,5	20,3 ¹
Банковская система										
Количество действующих кредитных организаций, на конец года, ед.	1136	1108	1058	1012	978	956	923	834	733	623
Количество отозванных в течение года лицензий на осуществление банковской деятельности, ед.	49	33	43	27	18	22	32	86	93	97
Динамика активов, %	46,1	32,7	3,7	14,8	21,4	20,4	14,2	18,6	-1,5	2,1
Динамика задолженности юридических лиц-резидентов (кроме банков) по банковским кредитам, %	52,4	28,6	0,0	9,6	22,8	15,5	11,6	12,7	5,0	-0,1
Динамика задолженности физических лиц-резидентов по банковским кредитам, %	58,3	31,2	-11,7	14,4	35,5	39,1	27,7	11,6	-7,3	0,7
Доля просроченных кредитов юридическим лицам-резидентам, кроме банков, %	0,9	2,2	6,0	5,5	4,8	4,6	4,1	4,1	6,0	6,1
Доля просроченных кредитов физическим лицам, %	3,1	3,6	6,9	7,1	5,3	4,1	4,5	6,0	8,4	8,3
Прибыль, млрд руб.	508	409	205	573	848	1012	994	589	192	930

* Показатели в долях ВВП несопоставимы за 2007–2010 гг. и 2011–2016 гг. из-за смены Росстатом методологии расчета ВВП с 2011 г.

¹ За январь–сентябрь 2016 г.

Источники: Росстат; Минфин России; Банк России.

Перечислим некоторые важные элементы и результаты антикризисной политики 2015–2016 гг., которые, по нашему мнению, закладывают основы для будущего (посткризисного) экономического роста.

Удалось сохранить базовую макроэкономическую стабильность, что проявилось прежде всего в параметрах бюджетного дефицита, государственного долга и устойчивом снижении инфляции. В 2016 г. правительство вернулось к трехлетнему бюджетному планированию. При всем символическом характере этого шага он представляется важным фактором обеспечения доверия к устойчивости экономической политики. Не менее важна в этом плане последовательная реализация курса на снижение инфляции до 4% к концу 2017 г. В принятом бюджете сделана попытка ослабить традиционную привязку его доходной базы к динамике цен на нефть. Правительство признало бессмысленность такой привязки и заложило в проект бюджета плоскую цену на нефть в 40 долл./барр. Тем самым было фактически введено новое бюджетное правило, суть которого состоит в инвариантности расходов относительно колебаний цен на нефть.

За счет сдерживания роста расходов удается контролировать размер дефицита федерального бюджета и бюджета расширенного правительства, несмотря на существенное падение доходов (даже в номинальном выражении). В 2015 г. дефицит федерального бюджета составлял 2,4% ВВП, по итогам 2016 г. – 3,4% ВВП. тогда как в 2009 г. – около 6% (соответствующие показатели по расширенному правительству – 3,4 и 3,7% против 6,3%). По показателю отношения размера дефицита к общему объему расходов федерального бюджета в 2009 г. почти 24% расходов финансировалось за счет источников финансирования дефицита, тогда как в 2015 и 2016 гг. – 12,6 и 18,0% соответственно. Причем рост общего дефицита федерального бюджета в 2015–2016 гг. происходил на фоне снижения нефтегазового дефицита (с 9,4 до 9,1% ВВП). Таким образом, правительству удалось контролировать размер дефицита не только непосредственно федерального бюджета, но и всей бюджетной системы.

Россия остается страной с исключительно низким государственным долгом в размере 12,9% ВВП, причем преимущественно в национальной валюте – 9,3% ВВП. Сложнее ситуация с региональными бюджетами: на протяжении последних лет она оставалась очень напряженной, поскольку в условиях кризиса от региональных бюджетов требовали неуклонного выполнения лежащих на них социальных обязательств. Хотя долг региональных бюджетов невелик (2,7% ВВП), риск их острого кризиса оставался на протяжении последних лет весьма реальным. В 2016 г. ситуация несколько улучшилась, по крайней мере в трех отношениях. Во-первых, значительная часть коммерческого долга была реструктурирована в бюджетный на более благоприятных для регионов условиях. Во-вторых, практически весь региональный долг теперь номинирован в национальной валюте. В-третьих, задолженность регионов начала снижаться в долях ВВП¹, хотя и незначительно – на 0,05 п.п. ВВП за 2016 г. Наконец, происходит снижение зависимости государственного бюджета от нефтегазового экспорта. Доля нефтегазовых доходов в общей сумме доходов федерального бюджета последовательно снижается – с 51% в 2014 г. до 43% в 2015 г. и 36% в 2016 г. Разумеется, это обусловлено не столько диверсификацией структуры российской экономики, сколько падением мировых цен на нефть, которое не полностью компенсируется ослаблением курса рубля к доллару. В результате доля

---

¹ В номинальном выражении объем долга все же немного вырос – на 1,5%, или на 35 млрд руб.

нефтегазовых доходов снижается на фоне сокращения даже в номинальном выражении общего объема доходов федерального бюджета.

Переход Центрального банка к политике таргетирования инфляции и плавающему валютному курсу подвергался особенно острой критике со стороны многих представителей политического класса, бизнеса и экспертного сообщества. Между тем эти трудные решения, принятые осенью 2014 г., имели важные позитивные последствия для макроэкономической стабильности. Инфляция к концу 2016 г. достигла уровня в 5,4%, что беспрецедентно для современной России. Удалось не только сохранить, но и нарастить международные резервы: на 1 января 2017 г. они составили 377,7 млрд долл. (+2,5%).

В 2015 г. наблюдалось существенное сокращение оттока капитала – со 152,1 млрд долл. в 2014 г. до 57,5 млрд долл. в 2015 г. и до 15,4 млрд долл. в 2016 г. Отток частного капитала в 2015–2016 гг. в большей степени связан с выплатой внешней задолженности банков и корпораций, т.е. его нельзя характеризовать как «бегство капитала» в другие юрисдикции. Соответственно, снижался совокупный внешний долг страны. В 2015–2016 гг. сокращался внешний долг государственных корпораций. Так, в 2015 г. государственный внешний долг в расширенном определении¹ снизился на 12,1%, достигнув 268,1 млрд долл., а внешний долг органов государственного управления сократился на 26,6% – до 30,6 млрд долл. Последнее, впрочем, не является однозначно позитивным фактором – с точки зрения финансирования роста, поскольку стало результатом финансовых санкций.

Естественно, что после острого кризиса и девальвации 2014 г. состояние платежного баланса улучшилось, его стабильность повысилась: счет текущих операций оставался положительным, а отток капитала быстро стабилизировался в условиях плавающего валютного курса².

Формируя институциональную основу будущего экономического роста, Банк России продолжал последовательную и жесткую работу по *оздоровлению банковского сектора*, по выводу с рынка кредитных организаций, не удовлетворяющих надзорным требованиям регулятора. За 2016 г. было отозвано 97 лицензий на осуществление банковских операций, что несколько больше, чем в предшествующие годы (в 2015 г. было отозвано 93 лицензии, в 2014 г. – 86). Суммарный объем активов кредитных организаций, у которых в 2016 г. была отозвана лицензия, составил 1,2 трлн руб., или 1,4% совокупных активов банковского сектора на начало 2016 г. (в 2015 г. – 1,1 трлн руб., или 1,4%, в 2014 г. – 0,4 трлн руб., или 0,8% соответственно).

На этом фоне произошли позитивные сдвиги в работе банков. После резкого спада прибыли в 2015 г., когда банковский сектор заработал менее 200 млрд руб., в 2016 г. ее объем начал восстанавливаться. За 2016 г. банки получили 930 млрд прибыли, т.е. почти столько же, сколько в 2013 г. Хотя рентабельность собственных средств (13% в годовом выражении) в 2016 г. заметно ниже, чем в 2013 г. (17%).

¹ Внешний долг государственного сектора в расширенном определении охватывает внешнюю задолженность органов государственного управления, Центрального банка, а также тех банков и небанковских корпораций, в которых органы государственного управления и Центральный банк напрямую или опосредованно владеют 50% и более участия в капитале или контролируют их иным способом.

² Механизм адаптации российской экономики к снижению реального курса рубля рассмотрен в: Дробышевский С., Полбин А. О роли плавающего курса рубля в стабилизации деловой активности при внешнеэкономических шоках // Проблемы теории и практики управления. 2016. № 6. С. 66–71.

Депозиты предприятий и населения способствовали повышению устойчивости банковской системы и одновременно закладывали финансовую основу для возобновления экономического роста.

На протяжении 2015 г. происходил рост депозитов предприятий в банках. Это важный параметр, поскольку собственные ресурсы предприятий являются пока основным источником инвестиций. Однако в 2016 г. укрепление обменного курса рубля к иностранным валютам и снижение процентных ставок по депозитам обусловили изменение этого тренда. За 2016 г. объем срочных депозитов юридических лиц в банковской системе снизился на 1,5 трлн руб., составив на 1 января 2017 г. 12,1 трлн руб. Объем этих средств остается значительным, несмотря на снижение с 35 дней оборота по состоянию на 1 января 2016 г. до 30 дней на 1 января 2017 г. (до 2014 г. объем срочных депозитов не превышал 20 дней оборота).

Аналогично в 2015–2016 гг. наблюдались некоторый рост, а затем стабилизация *сбережений населения в банках*. Темп прироста вкладов в 2016 г. составлял 11–12%. Рублевые вклады выросли за год на 14%, и их объем достиг 18,4 трлн (на 1.01.2017), тогда как валютные вклады практически не изменились: 94,0 млрд долл. на начало года и 94,8 млрд на 1.01.2017 – прирост на 0,8%. Доля вкладов в иностранной валюте снизилась с 29,8% на 1.01.2016 до 23,8% на 1.01.2017. Плавающий валютный курс стал, по-видимому, причиной, по которой *впервые в новейшей истории России в кризис не произошло переключения рублевых депозитов в валютные*.

Жилищные кредиты. После ипотечного бума 2013–2014 гг., когда задолженность по жилищным кредитам росла на 31–32% в год, а ежегодная выдача новых кредитов достигла 1,82 трлн руб., в 2015 г. объем выдачи кредитов на покупку жилья резко уменьшился (1,17 трлн руб.), но в 2016 г. спрос на жилищные кредиты возрос примерно на 27% и составил около 1,5 трлн руб. В результате общий объем задолженности физических лиц по кредитам на покупку жилья достиг в минувшем году 4,5 трлн руб. Просроченная задолженность по ним остается незначительной: ее доля в общем объеме задолженности составляет 1,7%. При этом по рублевым жилищным кредитам просрочка составляет 1,2%, а по валютным – более 30%, но доля задолженности по жилищным кредитам в иностранной валюте не превышает 2% общего объема задолженности по кредитам на покупку жилья.

Кредиты физическим лицам. По итогам 2016 г. перестала сокращаться совокупная задолженность физических лиц по банковским кредитам. Годовой прирост по итогам 2016 г. стал положительным (+0,7%), в 2015 г. сокращение задолженности составило 7,3%. Прирост задолженности по жилищным кредитам означает соответствующее сокращение задолженности по потребительским кредитам. Доля просроченной задолженности достигла максимума в августе 2016 г. (9,0% по всем кредитам и 13,5% по потребительским), после чего стала медленно сокращаться (до 8,6 и 13,2% соответственно).

Объем накопленной задолженности населения России незначителен по сравнению с развитыми рыночными экономиками – немногим более 11 трлн руб. (13% ВВП). Однако с учетом существенно более высоких процентных ставок (в 2016 г. средняя стоимость действующего банковского кредита составляла 16,4% годовых) и коротких сроков кредита (согласно графику погашения средняя срочность кредитов физлицам составляет 44 месяца, фактическая с учетом досрочных погашений – 18 месяцев) на обслуживание банковской задолженности в 2016 г. в России уходило около 10% располагаемых дохо-

дов населения, как и в США, где объем кредитной задолженности физических лиц достигает 78% ВВП. Иными словами, бремя обслуживания долга среднего россиянина такое же, как у среднего американца, при том, что относительный объем долга в РФ меньше в 6 раз. Хотя за последние два года бремя долга по отношению к доходам снизилось – максимально оно составляло около 12% располагаемых доходов в 2014 г. (рис. 2).

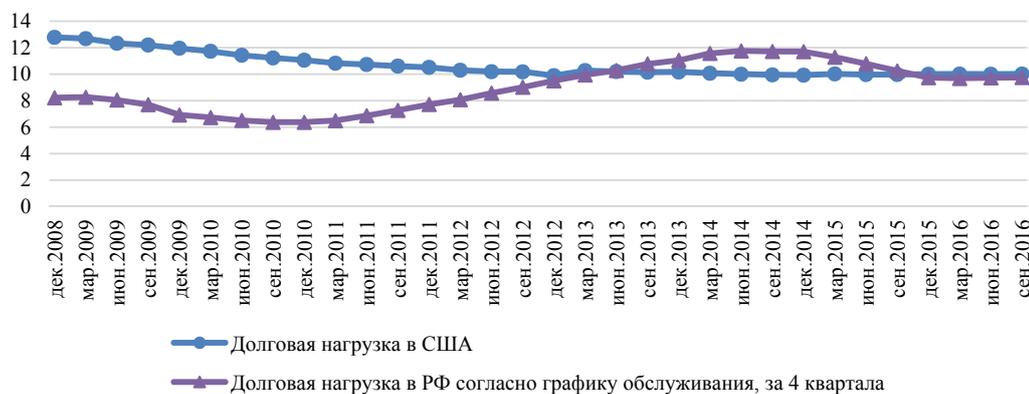

Рис. 2. Долговая нагрузка на располагаемые доходы населения в РФ и США, %

Источник: Банк России, ФСГС, ФРС США, оценки Института Гайдара.

Занятость. Важным фактором обеспечения социально-политической стабильности стал низкий уровень безработицы, который на протяжении последних двух лет составлял 5–6% трудоспособного населения. С одной стороны, продолжала сокращаться численность населения в трудоспособном возрасте из-за выхода на пенсию людей достаточно многочисленного поколения. С другой стороны, проявлялась специфика российского рынка труда, в котором уменьшение экономической активности (кризис) сопровождается не снижением занятости, а сокращением рабочего времени и выплат. Оба названных фактора взаимосвязаны, поскольку демографическая ситуация побуждает работодателей сохранять формальную занятость и не рассчитывать на открытый рынок труда (см. табл. 1).

Диверсификация российского экспорта. За 2015–2016 гг. происходили противоречивые и вместе с тем важные сдвиги в динамике российского экспорта. Общий тренд состоит в снижении объемов экспорта при диверсификации его структуры. Снижение объемов объяснимо в условиях торможения мировой экономики и роста геополитической напряженности, в результате уменьшаются спрос на товары и, соответственно, цены на них. Этим же объясняется и диверсификация экспорта, поскольку цены на топливно-энергетическую продукцию и металлы упали значительно сильнее, чем по многим другим товарным группам. В результате начиная с 2014 г. доля экспорта топливно-энергетических товаров устойчиво снижалась (с 72% в 2014 г. до менее 60% в 2016 г.), а доля всех остальных товарных групп росла (сельское хозяйство, химическая и легкая промышленность, текстиль, производство машин и оборудования). Снижение общего стоимостного объема экспорта в неэнергетических отраслях промышленности происходило меньшими темпами, при этом в некоторых отраслях в январе–сентябре 2016 г. наблюдался рост по сравнению с аналогичным периодом предшествующего года (табл. 1, 2). Объем экспорта сельхозпродукции сравнялся с экспортом вооружений и даже превысил

его. В результате происходит диверсификация российской экспортной корзины. Коэффициент диверсификации экспорта за 2014–2016 гг. удвоился (рис. 3)¹.

Ситуация с экспортом отражает проблему, типичную для современного кризисного развития: противоречие между кратко- и долгосрочными задачами экономического роста. Сокращение экспорта, несомненно, неприятный феномен, негативно влияющий на текущий рост и возможности бюджета. Однако его диверсификация закладывает основы для устойчивости как экономической динамики, так и бюджетной системы в среднесрочной перспективе. Разумеется, если правительство и бизнес смогут воспользоваться складывающимися обстоятельствами и обеспечат рост конкурентоспособности несырьевых отраслей, не полагаясь только на преимущества низкого валютного курса².

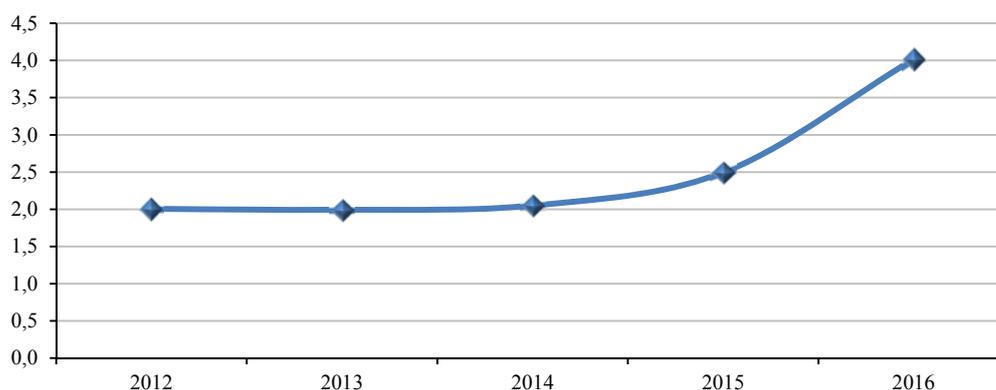

Рис. 3. Коэффициент диверсификации российского экспорта

Источник: расчеты по данным ФТС России.

Таблица 2

Сдвиги в товарной структуре экспорта и импорта РФ в 2014–2016 гг., %

Код ТН ВЭД ЕАЭС	Наименование товарной группы	Экспорт			Импорт		
		2014	2015	2016	2014	2015	2016
	Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
01-24	Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	3,8	4,7	6,0	13,9	14,5	13,7
25-27	Минеральные продукты	70,5	63,8	59,2	2,5	2,7	1,8
27	Топливо-энергетические товары	69,5	62,9	58,1	1,4	1,6	0,8
28-40	Продукция химической промышленности, каучук	5,9	7,4	7,3	16,2	18,6	18,5
41-43	Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	0,1	0,1	0,1	0,4	0,5	0,4
44-49	Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	2,3	2,9	3,4	2,1	2,0	1,9
50-67	Текстиль, текстильные изделия и обувь	0,2	0,2	0,3	5,7	5,9	6,0
71	Драгоценные камни, драгоценные металлы и изделия из них	2,4	2,3	3,1	0,4	0,3	0,2
72-83	Металлы и изделия из них	8,2	9,6	10,2	6,7	6,4	6,2
84-90	Машины, оборудование и транспортные средства	5,3	7,4	8,5	47,6	44,8	47,4
68-70, 91-97	Другие товары	1,4	1,6	1,9	4,4	4,2	3,9

Источники: ФТС России; расчеты ВАВТ.

¹ Расчеты Г.И. Идрисова. Степень диверсификации российского экспорта рассчитана на основе используемого Всемирным банком индекса диверсификации (индекс Хиршмана–Херфиндала). См. URL: http://wits.worldbank.org/wits/wits/witshelp/Content/Utilities/e1.trade_indicators.htm.

² См.: Кадочников П., Кнобель А., Синельников-Мурылев С. Открытость российской экономики как источник экономического роста // Вопросы экономики. 2016. №12. С. 26–42.

---

* * *

На рубеже 2016–2017 гг. рецессия в России завершилась. Произошла первичная адаптация российской экономики к новым экономическим и политическим реалиям, которые, по-видимому, будут носить долгосрочный характер. Однако завершение рецессии не тождественно завершению глобального кризиса или решению структурных проблем российской экономики. Все основные негативные факторы, влияющие на социально-экономическую динамику, остаются в силе. Период турбулентности мировой экономики продолжается, и она будет ставить перед правительствами ведущих стран, включая Россию, новые сложные задачи. Более того, они сложнее, чем те, которые приходилось решать на предыдущем этапе антикризисной политики и адаптации.

Вместе с тем сложность задач не означает, что их решение должно быть более болезненным с социальной точки зрения. Речь идет об интеллектуальной сложности выработки мероприятий, которые обеспечили бы устойчивый экономический рост в средне- и долгосрочной перспективе, а также о политической сложности консолидации сил (групп интересов) для реализации этой программы.

В концентрированном виде экономико-политическая задача на предстоящий период была сформулирована президентом РФ В.В. Путиным в конце 2016 г. в Послании Федеральному Собранию: обеспечить развитие экономики России темпом, превышающим среднемировой. Это достаточно точное определение, позволяющее отойти от указания на абсолютные желательные темпы роста: поскольку российская экономика глубоко интегрирована в мировую, темп ее роста не может формироваться независимо от глобального роста. В то же время нынешний уровень социально-экономического развития России позволяет в обозримой перспективе ориентироваться именно на подобный темп. Задача разработки такой программы была поставлена в декабре перед правительством РФ, прежде всего перед Министерством экономического развития. Контуры этой программы достаточно хорошо известны¹. Однако необходимо ее наполнение конкретной системой мер, далеко выходящих за собственно экономическую сферу. В настоящее время всеобщим стало понимание того, что решение стратегических задач развития России возможно только при комплексной модернизации экономики, госуправления, социальной политики и правоохранительной деятельности.

Правительство определилось с приоритетными проектами, вокруг которых оно начало выстраивать политику стимулирования роста. К их числу относятся здравоохранение, образование, ипотека и арендное жилье, международная кооперация и экспорт, производительность труда, малый бизнес и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы, реформа контрольной и надзорной деятельности, бесплатные и качественные дороги, моногорода, экология. Для их реализации был создан специальный Президентский совет по стратегическому развитию и приоритетным проектам. При большей конкретизации эти разделы должны будут составить отраслевую и институциональную основу стратегии экономического роста. Однако при выработке мер в каждой

---

¹ Меры структурной модернизации достаточно подробно обсуждались в экономической литературе, в том числе автором этой статьи. См., например: Стратегия-2020: Новая модель роста — новая социальная политика. В 2-х т. / Мау В.А., Кузьминов Я.И. (науч. ред.). М.: Дело, 2013; Мау В.А. Антикризисные меры или структурные реформы: экономическая политика России в 2015 г. // Вопросы экономики. 2016. № 2. С. 29–32.

из этих сфер важно преодолеть традиционные подходы докризисного времени и проанализировать их с точки зрения сформировавшихся за последнее время новых реалий.

Спецификой минувшего года стало и то, что работу над долгосрочной программой (стратегией) социально-экономического развития начали вести несколько групп экономистов. Соответствующие задачи были поставлены перед Президентским советом по стратегическому развитию и приоритетным проектам, перед Центром стратегических разработок во главе с заместителем председателя Экономического совета при Президенте РФ А.Л. Кудриным, а также перед группой предпринимателей и экономистов во главе с бизнес-омбудсменом Б.Ю. Титовым, объединившихся под эгидой «Столыпинского клуба». Все они должны будут представить свои предложения в 2017 г., что, помимо прочего, станет элементом предстоящей президентской предвыборной кампании. Тогда можно будет и провести сравнительный анализ этих программ. Сейчас предстоит непростой период, который будет требовать от властей одновременно гибкости и последовательности курса. Гибкости – при ответе на новые вызовы, последовательности – в решении фундаментальных (если не сказать вековых) задач всесторонней (не только экономической) модернизации России.